

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА*

В. Г. Чумаченко

За рубежом Г. В. Плеханову жилось тяжело. В Женеве его семья занимала в одном из домов квартиру из двух комнат на втором этаже. Первое, что бросалось в глаза посетителю,— это бедность обстановки: простые деревянные столы без скатертей, несколько стульев и железные кровати, покрытые дешевыми одеялами. Вот и весь гарнитур. Пожалуй, единственным богатством были книги, в большом количестве расставленные на полках в комнате Георгия Валентиновича. Среди них имелись сочинения по философии, истории, социологии, литературоведению, биологии, геологии, астрономии, изданные на разных языках. Особенно много было русских статистических сборников¹. Чтобы содержать семью, Г. В. Плеханов в 1886 г. был вынужден переехать в город Кларан, где представилась возможность давать уроки русской литературы в школе Паршэ и преподавать литературу в некоторых частных домах. Таким образом ему удавалось зарабатывать 200 франков в месяц. Из этой суммы 40 франков уходило на оплату мяснику за пансион, а остальные деньги Г. В. Плеханов отсылал семье в Женеву. Пансион был скудным и однообразным. Мяеник кормил квартиранта варевом из отходов мяса, остававшегося от торговли². Напряженный труд и плохое питание подорвали силы Г. В. Плеханова. К тому же в апреле 1887 г. во время поездки из Кларана в Женеву он сильно простудился. Болезнь перешла в тяжелую форму туберкулеза. Жена Плеханова, кончавшая к тому времени медицинский факультет, озабоченная здоровьем мужа, обратилась за консультацией к врачам. Но те скрыли от нее истинное положение дел, уведомив лишь В. И. Засулич о том, что Плеханову жить осталось всего два-три месяца. К счастью, доктора ошиблись: острый процесс в легких стал понемногу стихать. Это дало возможность Георгию Валентиновичу, ранее прикованному к постели, выехать поближе к природе. Осенью 1887 г. ему стало уже немного лучше. Однажды он вместе с женой зашел к одному из лечивших его врачей и тот не удержался от возгласа: «Это вы, Плеханов? Вы положительно являетесь ко мне с того света!»³. Но до полного выздоровления было еще далеко. На лечение нужны были деньги, а их не хватало даже на то, чтобы прокормить семью. 30 апреля 1888 г. Плеханов писал Аксельроду: «Милый Павел, не удивляйтесь, что в этом письме не будет ничего насчет статьи. Я спешу, ибо боюсь опоздать к поезду почтовому. Голубчик, как хотите, откуда хотите, но доставьте мне денег, или лучше сказать не мне, а моей семье. Не могу я лечиться, когда семья буквально голодает. Жду со дня на день денег от Сергея⁴, но их пока нет, а жить нужно каждый день. Вы сделали бы мне истинное благодеяние, если бы достали 400 и послали их на адрес Розы, 18, Chemin de la cluse. Если этого нельзя — пошлите сколько можете, но, ради бога, сделайте это. Отвечайте»⁵. Постоянная нужда в средствах заставила еще не вполне окрепшего после болезни Плеханова искать новых заработков и много трудиться. «Дорогой Сергей! — читаем в его письме к С. М. Кравчинскому, отправленном в конце 1888 г. — Лично я давно уже ничего не писал Вам, но из писем Веры Вы знаете, что я болен. Теперь начинаю оправляться и, конечно, сталкиваюсь с роковым вопросом — *чем жить*. Нужна работа, работа во что бы то ни стало. Поэтому я надумал вот что: вместе с письмами в Петербург, в которых я просил разных знакомых доставить мне литературную работу, я обращаюсь к [Вам] со следующей просьбой: не захотите ли Вы вместе со мною написать книжечку под заглавием: «The Government and Literature in Russia». Мы изложили [бы] в ней мартиролог русской литературы, начиная с Новикова и Радищева (предварительно в нескольких словах упомянувши о Крижаниче и Посошкове). Мы рассказали [бы] о лицемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдаче в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова,

* Продолжение. Начало см.: «Вопросы истории», 1968, № 5.

¹ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 2. М. 1924, стр. 156.

² «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». Т. 1. М. 1925, стр. 22.

³ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 3. М. 1925, стр. 88.

⁴ Сергей — С. М. Степняк-Кравчинский.

⁵ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». Т. 1, стр. 42—43.

Шевченко, Достоевского, М. Михайлова, Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Белинского от «квартиры у Дуббельта», о том, конечно, что почти все талантливые писатели настоящего времени пребывали или еще остаются в ссылке»⁶.

Царская жандармерия усиленно интересовалась Плехановым. Не отставала от нее и царская прокуратура. И та и другая придавали настолько большое значение Плеханову в революционном движении, что даже поведение арестованных на допросе связывали порой с его влиянием. Е. Д. Стасова рассказывала, что однажды, будучи арестованной, она отказалась отвечать следователям. Тогда присутствовавший при допросе прокурор сказал: «Ну, конечно, когда г. Плеханов и г. Аксельрод выработают новую тактику, вы будете давать показания»⁷. Опасаясь влияния Плеханова и стремясь угодить царскому правительству, женевская полиция усиленно искала предлога для лишения Плеханова права жить в Швейцарии. И такой предлог нашелся. Два русских эмигранта — Дембо (Бринштейн) и Ясинский — в марте 1889 г. в окрестностях Цюриха испытывали бомбу. При испытаниях в результате несчастного случая Дембо был убит, а Ясинский тяжело ранен. По настоянию царского правительства Г. В. Плеханов, несмотря на то, что он не имел никакого отношения к этому делу, как «опасный анархист» был выслан из Швейцарии⁸. Тогда он поселился во французском пограничном городке Морнэ. Семья же его оставалась в Женеве.

К началу 90-х годов Г. В. Плеханов был уже широко известен революционерам европейских стран, с его мнением считались во всех социалистических партиях. К. Каутский выразил желание сотрудничать с Плехановым, считая необходимым привлечь его для работы в немецком социал-демократическом журнале «Die Neue Zeit»⁹. В 1891 г. Г. В. Плеханов опубликовал в этом печатном органе статью «К шестидесятилетнему смерти Гегеля». С тех пор его выступления в печатных изданиях социалистических партий Европы стали систематическими. Заслуги Плеханова в области пропаганды марксистской теории получили международное признание. «Ничто ему не мешало,— писал позднее П. Н. Лепешинский,— ликвидировать окончательные счеты с русской территорией и до такой степени европеизироваться, чтобы развернуть свои богатые силы на работе теоретической и практической — у французской или немецкой социал-демократии. Везде он был принят там с распростертыми объятиями, везде он был признан идейным вождем,— и тем не менее, мы его видим все время упорно цепляющимся за возможность поработать именно для убогой России, столь далекой от него, столь недосыгаемой для него...»¹⁰.

Помимо литературной работы, направленной на развитие и пропаганду марксизма, и большой организационной деятельности Плеханов принимал активное участие в международных съездах и конгрессах социалистических партий. С момента основания II Интернационала он участвовал в его работе. Плеханов выступал в качестве представителя русского революционного движения почти на всех международных социалистических форумах. На Лондонском конгрессе 1896 г. он присутствовал с мандатом от ленинского Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Несколько позднее, на Амстердамском конгрессе, состоявшемся в 1904 г., в пору русско-японской войны, он наглядно продемонстрировал идею единства социал-демократов всех стран, горячо пожав руку японскому социалисту Сэн Катаяма (впоследствии руководителю Коммунистической партии Японии). Плеханов установил тесную связь с видными деятелями международного рабочего движения Жаном Жоресом, Жюлем Гедом, Антонио Лабриолой, Полем Лафаргом, Вильгельмом Либкнехтом, Кларой Цеткин, Августом Бебелем, Элеонорой Маркс. Он переписывался с Ф. Энгельсом и выступал против тех, кто мешал развитию революционной пролетарской борьбы в России. Защищая интересы рабочего класса, Плеханов подчеркивал, что «революционное движение в России восторжествует только как рабочее движение или же никогда не восторжествует!»¹¹ Эти слова, произнесенные в 1889 г. на Международном социалистическом конгрессе в Париже, произвели огромное впечатление на его участников. Другое выступление Плеханова, имевшее место на Международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в 1893 г., его обращение к французам — «но разве вы забыли, что русский царь соединился с вашей буржуазией, что он является убийцей Польши?»¹² — вызвало длительную травлю его в буржуазной печати. Французские газеты «Temps», «Journal des débats» обвинили Плеханова в «оскорблении Франции» и потребовали высылки его из страны. Французские власти, воспользовавшись тем, что у Плеханова не было заграничного паспорта, предали его суду. Однако суд приговорил его всего лишь к штрафу в размере одного франка. Тогда французское правительство, не удовлетворенное этой мерой наказания, обвинило Плеханова в причастности к экс-

⁶ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 1. М. 1923, стр. 145.

⁷ Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. М. 1957, стр. 47.

⁸ А. Ельницкий. Георгий Валентинович Плеханов. Изд-во О. Н. Поповой. Б. г., стр. 19.

⁹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник I. М. 1934, стр. 240.

¹⁰ П. Лепешинский. На повороте. М. 1935, стр. 181.

¹¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник VIII. М. 1940, стр. 87.

¹² Там же, стр. 135.

цессам анархистов (к которым он в действительности не имел никакого отношения) и предложило ему покинуть страну.

Тот год был особенно тяжелым для Плеханова. Сказались и травля и напряженная работа. О своем подавленном настроении он писал П. Аксельроду: «Я болен, не знаю чем, должно быть отчаянием, и, право, таков, как я теперь, я никуда не похужу; следовательно, о чем толковать? Выжатый лимон надо выбросить в помойную яму и забыть его поскорее, вот и все!»¹³. С нелегкой ношей на душе Плеханов покинул Францию осенью 1894 г. и по чужому паспорту выехал в Лондон. Туманный Лондон оказался для него целительным. Здесь он часто встречался с Ф. Энгельсом, обсуждал с ним животрепещущие вопросы революционного движения. Эти встречи были настолько впечатляющими, Энгельс так сумел зарядить Плеханова своей энергией и волей, что тот снова стал самим собой, а от пессимизма не осталось и следа. В Лондоне Плеханов много работал в библиотеке, прочитал все номера «Neue Rheinische Zeitung», которую когда-то редактировал К. Маркс. Но вот в конце 1894 г. в Швейцарии был отменен указ о высылке, и Плеханов получил возможность возвратиться к семье в Женеву.

В 1895 г. в России была опубликована новая книга Г. В. Плеханова. Сначала Георгий Валентинович предполагал издать ее как вторую часть «Наших разногласий». Но царская цензура прекрасно знала автора этого труда, и Г. В. Плеханов изменил свое решение. Книга вышла под названием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и была подписана псевдонимом «Н. Бельтов». «Под «монистическим взглядом на историю», — отмечал Г. В. Плеханов, — я понимал исторический материализм, который я, однако, не хотел назвать своим именем, чтобы не дразнить цензуру»¹⁴. В этом замечательном марксистском исследовании Плеханов, давая определение материализма, показывал его полную противоположность идеализму. Он проследил развитие общественной мысли в XVIII и XIX вв. и ее влияние на ход истории, осветил возникновение и становление марксизма. Плеханов отмечал, что уже французские материалисты подошли к правильному пониманию развития человеческого общества, но до конца решить им этот вопрос не удалось. Тому помешали их субъективные взгляды и, в частности, твердое убеждение в том, будто «мир управляется мнениями». Г. В. Плеханов показал, что к воззрениям материалистов XVIII в. тесно примыкали взгляды социалистов-утопистов. Автор книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» пришел к выводу, что утописты не могли вести настоящей борьбы с буржуазными порядками, так как неверно представляли себе пути достижения социальной справедливости. Плеханов выявил близость позиций утопистов и русских народников, подчеркнув, что как те, так и другие оторвались от исторической действительности. Он показал, далее, абсурдность надежд утопистов раскрыть законы развития общества при помощи некоторых анатомо-физиологических теорий.

Г. В. Плеханов внимательно рассмотрел философию Гегеля, диалектический метод которого являлся одним из теоретических источников марксизма. Он вскрыл несостоятельность критики гегелевской философии идеологами народничества Н. К. Михайловским и В. П. Воронцовым, которые отказывались от диалектических сторон этого учения. Но, отмечая заслуги Гегеля, Плеханов вместе с тем выявлял у него и антинаучные положения. Так он доказывал, что Гегель был идеалистом в своих взглядах на природу, ибо полагал, будто она сотворена «абсолютной идеей»; что Гегель, ревностно защищая религию, противопоставил детерминизму, позволяющему объективно познать существующие в природе закономерности, — телеологию, ставящую преграду на пути изучения природы и заставляющую принимать на веру религиозные догмы. Эти и другие ошибки в учении Гегеля были неизбежны, указывал Г. В. Плеханов, потому что идеалистическая философия не может удовлетворительно объяснить ни явления природы, ни явления общественной жизни. Г. В. Плеханов резко критиковал взгляды, трактующие разум как «главный двигатель истории». Он показал, что именно эта концепция легла отчасти в основу народнической теории о «критически мыслящей личности» и «толпе». Раскрывая существо этой надуманной теории, Георгий Валентинович отмечал, что она органически связана с развитием того самого болезненного самомнения у ее сторонников, беспощадным врагом и обличителем которого явился К. Маркс. Плеханов подчеркнул, что только К. Маркс сумел объяснить законы общественного развития, доказав, что развитием материальных производительных сил и теми взаимными отношениями, в которые по необходимости становятся люди друг к другу в процессе общественного производства, определяется историческое развитие человеческого общества. Отмечая, что правильность этого положения подтверждена самой историей, он писал: «С точки зрения «критической критики», все великие исторические столкновения сводились к столкновению *идей*. Маркс замечает, что *идеи* «посрамлялись» всякий раз, когда они не совпадали с реальными, экономическими интересами того общественного слоя, который является в данное время носителем исторического прогресса. Только понимание этих интересов и может дать ключ к пониманию действительного хода исторического развития»¹⁵. Защищая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, Плеханов дал развернутую критику идеализма. Он доказал, что идеа-

¹³ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». Т. 1, стр. 94.

¹⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник VIII, стр. 19.

¹⁵ Г. В. Плеханов. Соч. Т. VII. Изд. 2-е, стр. 158.

лизм, в частности, не может правильно решить вопрос о движущих силах человеческого общества. Плеханов раскрыл все величие К. Маркса и Ф. Энгельса как ученых и вождей пролетариата, которые обобщили исторический опыт революционного движения народных масс и творчески развили далее науку об обществе. Лишь последовательный монизм марксистской материалистической теории, подчеркивал Г. В. Плеханов, впервые в истории сделал возможным нанесение сокрушительного удара идеализму не только в понимании явлений природы, но и в понимании явлений жизни человеческого общества.

Книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» сыграла огромную роль в распространении идей научного социализма в России. Она содержала критику реакционных теорий народников, открывших в журнале «Русское богатство» поход против марксизма. В ней разоблачалось извращение марксизма Петром Струве, который в своей книге «Критические заметки», вышедшей в 1894 г., призывал: «Признаем свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Об огромном влиянии, какое оказала эта работа Плеханова на революционеров того времени, дают некоторые представления следующие свидетельства. «Книги, присланные мне Анной Ильиничной,— писал С. И. Мацкевич,— были: Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и Волгин (другой псевдоним Г. В. Плеханова.— В. Ч.) «Обоснование народничества в трудах В. В.» (псевдоним В. П. Воронцова.— В. Ч.). Я запоем прочитал их. Поразительно было появление легальных босских марксистских книг. Загадочным для меня было — кто авторы этих замечательных книг. Думалось, что такие книги должны оказать сильное влияние на переход интеллигенции к марксизму и что самая возможность появления таких легальных марксистских книг показывает, насколько марксизм становится влиятельным». Н. А. Семашко познакомился с книгой Плеханова в тюрьме в 1895 г. «Я впился в чтение «взасос», — вспоминал он позднее, — отрываясь только для еды, в один день прочитал ее от доски до доски, а в следующие дни перечитывал еще раз особенно важные места. Я до сих пор не знаю, что я знаю лучше наизусть: евангелие, которое заставляли нас зубрить слово в слово в гимназии, или книжку Бельтова, которую я с жаром изучал в тюрьме»¹⁶.

Так встретили книгу Плеханова те, кто стремился найти правильный путь для революционного движения в России, кто горячо верил в марксистскую теорию. По-иному отнеслись к этой книге теоретики народничества. Они всеми путями пытались дискредитировать ее. Даже много лет спустя после появления работы «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» один из идеологов народничества, Н. С. Русанов, выступавший в свое время под псевдонимами «К. Тарасов», «Н. Кудрин» и «В. Подарский», в воспоминаниях писал: в этой книге «было все, что характеризовало литературную физиономию наиболее выдающегося члена «Группы освобождения труда»: большое знание марксистской литературы, а общей постольку, поскольку она могла служить пропаганде идей марксизма, уверенность автора в том, что его устами говорит сама истина, тогда как его противники обладают печальной привилегией быть невеждами или лжецами; ясное, популярное изложение предмета и незаурядный политический талант, который сильно портили вульгарные, порою невероятно грубые выпады против врагов; шеголянье цитатами, нередко из вторых рук, особенно из древних авторов, которых Плеханов читать в подлиннике не мог; недостаток истинной оригинальности, которой, вероятно, мешала почти религиозная вера в основы учения Маркса, но в пределах этой веры значительная самостоятельность в выводах и комментариях излюбленного мирозерения, так как Плеханов был несомненно наиболее оригинальным из учеников Маркса»¹⁷. Эти намеки очень напоминали жалобы австрийских генералов, возмущавшихся в свое время тем, что Наполеон бьет их «не по правилам» стратегии.

Книга Плеханова жила и завоевывала на сторону марксизма все новых и новых бойцов. На этой книге, подчеркивал В. И. Ленин, «воспиталось целое поколение русских марксистов»¹⁸. Большой успех этой работы способствовал дальнейшему росту авторитета ее автора как в русском, так и в мировом революционном движении. Предложения о деловом сотрудничестве поступали к нему со всех сторон. Редактор известного журнала «Devenir Social» А. Бонне в январе 1897 г. направил Плеханову письмо, в котором сокрушался, что тот не выслал в течение минувшего года в адрес журнала ни одной статьи. «Могу ли я надеяться,— писал он,— что в этом году Вы нам пришлете несколько?»¹⁹. Летом 1896 г. В. И. Засулич обращалась к Г. В. Плеханову: «Бернштейн просил спросить Вас, не можете ли Вы написать брошюру о русских финансах, из которой видно было бы, что они завтра же обанкротятся? Его какой-то немец геноссе (товарищ) давно уже «бомбардирует» письмами на множестве страниц (коли согласитесь, он Вам их пошлет) о необходимости такой брошюры. И к Бебелю он ходил, и тот ему сказал, что такая брошюра имела бы большой успех и за нее можно бы

¹⁶ С. И. Мацкевич. На грани двух эпох. От народничества к марксизму. М. 1937, стр. 211; Н. Семашко. Клочки воспоминаний (От зарю революции до ее рассвета). М. 1930, стр. 17.

¹⁷ Н. С. Русанов. В эмиграции. М. 1929, стр. 225.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 313.

¹⁹ Архив Дома Плеханова. Б. 35, 4, № 673.

отлично заплатить... Сам-то Бернштейн думает, ч[то] Росс[ия] банкротиться не собирается, но находит, что коли Вы можете написать, что собирается, то и отлично»²⁰. Однако Г. В. Плеханов не принял этого предложения.

Плеханов часто выступал с речами, докладами и лекциями, пользовавшимися большим успехом и потому обычно проходившими в самом большом из залов Женевы, вмещавшем до полутора тысяч слушателей. Отклики на его ораторское искусство были самые восторженные. Вот один из них: «Огромная эрудиция, полное господство над предметом, широкое мирозерцание, железная, ясная и в то же время гибкая и оригинальная мысль, плюс бурная революционная страстность, плюс тонкое, образное остроумие — все эти слагаемые, сосредоточенные в одном избраннике народа, приводили слушателей, всех слушателей без всякого исключения, в восторженное состояние, вызывая высокий духовный подъем и усиленную работу мысли»²¹. Интересна зарисовка портрета Плеханова, данная его современниками. А. В. Луначарский писал: «Это был скорее худой и стройный мужчина в безукоризненном сюртуке, с красивым лицом, которому особую прелесть придавали необычайно блестящие глаза и чрезвычайно большие, своеобразные, густые и косматые брови. Позднее, на Штутгартском съезде, одна газета говорила о Плеханове: «Eine aristokratische Erscheinung» [«аристократическая личность»]. И действительно, в самой наружности Плеханова, в его произношении, голосе и во всей его конструкции было что-то коренным образом барское — с ног до головы барин»²². Ярким дополнением к этому портрету является приведенное Н. А. Семашко описание того, как вел себя Плеханов в разговоре с другими: «Прежде всего меня поразили исключительно живые глаза и нервное подвижное лицо. Глаза его то сверлили из-под густых нависших черных бровей, то искрились каким-то огоньком, то смотрели строго повелевающе. Игру глаз дополняло выражение лица. По большей части оно было насмешливое, но иногда строгое, иногда печальное. Говорил Плеханов с придыханием, очевидно, туберкулезный процесс производил одышку. Во время разговора не только лицо, но и все тело Плеханова принимало участие: пальцы рук барабанили, речь сопровождалась широкой (даже несколько театральной) жестикуляцией, корпус то наклонялся, то откидывался. Иногда он вскакивал и ходил по комнате. Словом, блеск, энергия, подвижность выражались в каждом его жесте и каждом слове»²³.

Часто во время лекций и иных выступлений Г. В. Плеханову приходилось отвечать на вызовы политических противников и давать самый настоящий бой в защиту марксизма. В подобных сражениях он всегда одерживал победы, громя противников неутомимой логикой и вескими доказательствами, а то и умственно брошенной шуткой. Иронические прозвища и сравнения, данные им своим оппонентам, на долгое время сохранялись за многими из них; для некоторых же они оказывались роковыми — с ними заканчивалась их политическая карьера. Многие знали разящую силу сравнений, употребляемых Плехановым в пылу полемики, и потому побаивались их. Вот что, например, испытывал П. Н. Лепешинский во время одного из выступлений Георгия Валентиновича: «Плеханов почему-то вдруг во время своего реферата вспомнил об одной из моих карикатур: — Я слышал, — сказал он, откинув гордо голову назад, — что за границей ходит по рукам... э... э... — сам я не видел, — о, нет, а только слышал... ходит по рукам карикатура на меня, изображающая меня приставом в полицейском мундире... Тут у меня сердце так и захолонуло: ну, думаю, как скажет какое-нибудь убийственное крылатое словечко по моему адресу, так словно припечатает; с ним, как с несмываемой отметиной, я и буду потом носиться до конца моей жизни»²⁴. Известен случай, когда шутка Плеханова утихомирила большую группу анархистов, пришедших специально с целью сорвать его лекцию. Плеханов стал говорить о вреде, наносимом революционному движению анархическими теориями. Тогда те, кто был в этой группе, начали свистеть, петь, топтать ногами. Плеханов дождался небольшой паузы в этом грохоте и произнес громовым голосом: «Если бы мы захотели с вами бороться тем же оружием, то мы явились [бы] сюда... с сире-е-нами». Смех присутствующих, в том числе и самих анархистов, прозвучал в ответ на эту шутку и положил конец своеобразной «демонстрации». С блеском Плеханов вел беседы. Об одной из них П. Н. Лепешинский писал: «Да, — выкраивал я, как сейчас помню, какую-то свою мысль, — но все-таки между той материей, из которой состоит камень, и той, модусом которой является человек, есть качественная разница. То-есть, я хочу сказать, что есть материя и материя... В чем же разница? — вскинул на меня свои умные глаза Плеханов. Человек мыслит, — с ударением подчеркнул я, — а камень э... э... э... — И камень мыслит, — спокойно сказал Плеханов. — Как так? — разинул я от удивления рот... Плеханов стал мне пояснять, что количество переходит в качество, но и обратно, качество разложимо на количественные моменты. Мысль есть сложное движение и складывается из тех элементов движения, которые определяют энергетическое состояние и камня. И если кто-

²⁰ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». Т. 1, стр. 147—148.

²¹ Л. И. Аксельрод. Этюды и воспоминания. М. 1925, стр. 22.

²² А. Луначарский. Силуэты. М. 1965, стр. 111.

²³ Н. Семашко. Ключки воспоминаний (От зари революции до ее рассвета), стр. 60—61.

²⁴ П. Лепешинский. На повороте, стр. 221.

нибудь хочет принять «мысль» за субстанционное свойство материи, то он обязан приписать и камню то же свойство»²⁵.

Г. В. Плеханов был первым русским марксистом, осветившим процесс капиталистического развития русской деревни и правильно его оценившим. «Развитие сельскохозяйственного капитализма,— писал он,— уничтожило старые полупатриархальные отношения между крестьянами и крупными землевладельцами и научило некогда нерасчетливых магнатов расчетливости: отработки становились все тяжелее, а доставшаяся крестьянам доля урожая постоянно уменьшалась. На этой экономической основе и возникла та, временами очень ожесточенная, борьба классов, которая чрезвычайно сильно содействовала проникновению в крестьянскую среду социалистических учений»²⁶. Плеханов сумел увидеть в сельском хозяйстве России такую характерную черту капитализма, как все большее распространение наемного труда, и указал на расхождение, происходившее среди крестьянства. «Как мы уже сказали,— отмечал он,— «ён» (крестьянин.— В. Ч.) переживает процесс дифференциации, превращаясь в пролетария, с одной стороны, и в кулака — с другой»²⁷. Сравнивая положение крестьянина с положением пролетария в пореформенной России, Г. В. Плеханов пришел к выводу, что «экономическое развитие, совершившееся в направлении к капитализму, сделало в высшей степени нужными для помещиков такие условия освобождения, при которых крестьянин обратился бы в полупролетария, вынужденного продавать свою рабочую силу. Поскольку крестьянин сделался таким продавцом рабочей силы, постольку он попал в то положение, в котором находится весь вообще рабочий класс в капиталистическом обществе и которое будет устранено только социалистической революцией»²⁸. Опровергая утверждения народников, будто марксисты хотят «выварить» русского мужика в фабричном котле», он писал: «Мы не держимся того взгляда — скорее, как мы видели, навязанного школе Маркса, чем существовавшего в действительности,— взгляда, по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем, что — в общем — русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу»²⁹. Путем анализа экономических отношений в русской пореформенной деревне Плеханов убедительно доказал оторванность народнических теорий от действительности, показал вред, который они наносили революционному движению.

Рассматривая заслуги Г. В. Плеханова в марксистском исследовании аграрных отношений, В. И. Ленин отмечал: «Уже в первом проекте программы русских социал-демократов, опубликованном группой «Освобождение труда» в 1884 году, стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений» и ликвидации всех крепостнических отношений в деревне (не имея под руками старой социал-демократической литературы, выходящей за границу, мы вынуждены цитировать на память, ругаясь за общий смысл, а не за самый текст цитат). Затем Плеханов и в журнале «Социал-Демократ» (конец 80-х годов) и в брошюрах: «Всероссийское разорение» и «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» (1891—1892 гг.) неоднократно и в самых решительных выражениях подчеркивал громадную важность крестьянского вопроса в России, указывая даже на то, что возможен и «черный передел» при предстоящем демократическом перевороте и что социал-демократия отнюдь не страшится и не чурается этой перспективы... Это указание Плеханова на «черный передел» имеет для нас особую историческую важность. Оно показывает наглядно, что социал-демократы сразу дали именно ту теоретическую постановку аграрного вопроса в России, на которой они неуклонно стоят и по сейчас»³⁰.

Но между взглядами Г. В. Плеханова на аграрный вопрос в период его марксистской деятельности и той позицией, которую он занимал в дальнейшем, лежит период сложного движения вспять. При этом следует учитывать, что отдельные недомолвки и ошибки имели место и в те годы, когда Плеханов в целом еще занимал верные позиции и оказывал огромное и положительное воздействие на передовые революционные силы России. Так, уже в проектах программы группы «Освобождение труда», поставивших вопрос о радикальном пересмотре аграрных отношений в России, отсутствовали конкретные указания на то, что только национализация земли полностью удовлетворит самым сокровенным чаяниям крестьянства. К концу 90-х годов Плеханов в своих работах вообще перестал выдвигать требование национализации земли. Эта эволюция в значительной степени объяснялась влиянием на него аграрных программ западноевропейских социал-демократических партий, в которых данное требование не содержалось. В проекте аграрной программы РСДРП, подготовленной Г. В. Плехано-

²⁵ Там же, стр. 178.

²⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XII. Изд. 2-е, стр. 299.

²⁷ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III. Изд. 2-е, стр. 80.

²⁸ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XII, стр. 395—396.

²⁹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II. Изд. 2-е, стр. 87.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 241—242.

вым ко II съезду партии, намечалось возвращение «отрезков» крестьянам за выкуп. В. И. Ленин писал, что допущение Плехановым выкупа может нанести серьезный ущерб делу участия крестьянства в революционном движении. «Выкуп», — отмечал Владимир Ильич, — по исторической традиции (выкуп 1861 г.), и по своему содержанию (ср. знаменитое: «выкуп — та же покупка») носит специфический привкус пошло-благонамеренной и буржуазной меры. Ухватившись за *допущение* нами выкупа, невозможно испакостить всю суть нашего требования (а пакостников для этой операции найдется более чем довольно)»³¹. В. И. Ленин указывал, что выкупная операция противоречит самому духу программы и в случае претворения ее в жизнь может ускорить разорение крестьянства.

Позднее Плеханов стал сторонником программы муниципализации земли. Эта программа (автор ее П. Маслов) отрицала марксистскую теорию абсолютной ренты. Но, как отмечал В. И. Ленин, «отрицание абсолютной ренты есть отрицание экономического значения частной поземельной собственности при капитализме. Кто признает существование только дифференциальной ренты, тот неизбежно приходит к выводу, что условия капиталистического хозяйства и капиталистического развития совершенно не изменяются в зависимости от того, будет ли земля собственностью государства или собственностью частных лиц. В обоих случаях, с точки зрения теории, отрицающей абсолютную ренту, имеется только одна дифференциальная рента. Понятно, что подобная теория *должна* вести к отрицанию всякого значения национализации, как меры, влияющей на развитие капитализма в смысле его ускорения, в смысле расчистки пути для него и т. д.»³². Программа муниципализации земли провозглашала передачу крупных частных владений в распоряжение местных органов самоуправления (земств) и устанавливала право крестьян брать у них землю в аренду. Земля мелких собственников, согласно этой программе, оставалась в руках ее владельцев, вследствие чего сохранялось в неприкосновенности надельное феодальное землевладение. В. И. Ленин назвал программу муниципализации земли вредной и реакционной, притупляющей в крестьянстве сознание необходимости последовательной аграрной революции. «Буржуазная интеллигенция на Западе, подобно английским фабианцам, — отмечал он, — возводит муниципальный социализм в особое «направление» именно потому, что она мечтает о социальном мире, о примирении классов и желает переменить общественное внимание с коренных вопросов всего экономического строя и всего государственного *устройства* на мелкие вопросы местного самоуправления»³³. В. И. Ленин раскрыл реформистский характер этой программы, показав, что она подменяет захват помещичьих земель революционными комитетами отчуждением их через земство. Имелись у Плеханова и иные ошибки.

Большой знаток мировой литературы и искусства, Г. В. Плеханов в «Письмах без адреса» дал глубокую критику идеалистической эстетики, показал общественный характер искусства и его связь с жизнью. В другой своей работе, раскрывая перед читателями связь поэзии с классовым сознанием, он писал: «Давно уже известно, что у всякого народа есть своя поэзия и что чем развитее и образованнее данный народ, тем более глубокое содержание вкладывается в его поэтические произведения. С таким же правом можно сказать, что у каждого общественного *класса* также есть своя поэзия, в которую он вкладывает свое особое содержание. И в этом нет ничего удивительного, потому что каждый общественный класс имеет свое особое положение, свой особый взгляд на окружающий его порядок вещей, свои горе, свои радости, свои надежды и стремления. — словом, как говорится, свой особый *внутренний* мир. А этот-то внутренний мир и находит свое выражение в поэзии. Вот почему поэтические произведения, очень нравящиеся одному классу или слою общества, часто теряют почти всякий смысл для другого»³⁴. Статьи Плеханова о творчестве Н. А. Некрасова, Г. И. Успенского и ряда других русских писателей остаются еще и сегодня ценным пособием для всех, кто изучает теорию и историю отечественной литературы. Дополняют эти работы и некоторые письма Плеханова, написанные им в 1907—1914 гг. и хранящиеся ныне в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Литературные интересы Г. В. Плеханова были необычайно широки. Его внимание привлекали как отечественные, так и зарубежные писатели. Тщательно следил он за творчеством А. М. Горького. В одной из своих работ Г. В. Плеханов писал: «А каким языком говорят все пролетарии Горького! Тут все хорошо, потому что тут нет ничего придуманного, а все «настоящее».

Плеханов разработал многие положения марксистской эстетики. В своих произведениях он доказал, что литература и искусство, как и другие общественные явления, тесно связаны с экономической жизнью общества. В первобытном обществе искусство прямо и непосредственно отражало степень развития производительных сил; в классовом обществе проводником этого влияния экономики на искусство является классовая борьба. Поэтому, отметил Плеханов, чтобы понять, каким образом искусство отражает жизнь, надо понять механизм классовой борьбы. Особо подчеркивал он то обстоятель-

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 239—240.

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 289—290.

³³ Там же, стр. 339.

³⁴ «Г. В. Плеханов — литературный критик». М. 1933, стр. 25.

ство, что прогрессивное искусство создают классы, выражающие передовые идеи, а такое искусство отражает чаяния народных масс; классы же реакционные, находящиеся в состоянии застоя, создают антинародное искусство. В ряде своих произведений Плеханов отмечал антинародность декадентства, которое является одним из выражений кризиса буржуазной культуры. Яркую характеристику Плеханова как теоретика в области искусства дал А. В. Луначарский. «Для меня,— писал он,— главным образом был удивителен его эстетический дар—его свобода суждения в области искусства. У Плеханова был огромный вкус—как мне кажется, безошибочный. О произведениях искусства, ему не нравившихся, он умел высказаться в двух словах с совершенно убийственной иронией, которая обезоруживала, выбивая у вас шпагу из рук, если вы были с ним не согласны. О произведениях искусства, которые он любил, Плеханов говорил с такой меткостью, а иногда с таким волнением, что уже отсюда становилось понятно, почему Плеханов имеет такие огромные заслуги именно в области истории искусства. Его сравнительно небольшие этюды, обнимающие не так много эпох, стали краеугольными камнями для дальнейшей работы в этом направлении. Никогда ни из одной книги, ни из одного посещения музея не выносил я так много действительно питающего и определяющего, как из тогдашних моих бесед с Георгием Валентиновичем»³⁵.

Г. В. Плеханов отстаивал лучшие традиции В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского в области литературы и искусства. Однако его реализм, сочетавшийся с хорошим знанием марксизма, являлся значительно более глубоким, чем реализм этих великих русских революционных демократов. Г. В. Плеханов отстаивал мысль об общественном назначении искусства и огромной роли передовых идей, подчеркивая, что искусство есть острое оружие классовой борьбы. Он теоретически обосновывал неразрывность между художественным творчеством и трудовой и общественной деятельностью человека. Плеханов показал великое и благотворное влияние революций на развитие художественного творчества. Так, анализируя ход Французской буржуазной революции конца XVIII в., он подчеркивал, что она «вовсе не заглушила эстетических потребностей народа; совершенно наоборот. Великое общественное движение, сообщившее народу ясное сознание своего достоинства, дало сильный, небывалый толчок развитию этих потребностей»³⁶. Искусство в революционную эпоху, подчеркивал Г. В. Плеханов, является «по преимуществу политическим искусством. Не пугайтесь, читатель. Это значит, что гражданин того времени (периода революции.—В. Ч.)—то есть, само собою разумеется, гражданин, достойный своего названия— был равнодушен или почти равнодушен к таким произведениям искусства, в основе которых не лежала какая-нибудь дорогая ему политическая идея. И пусть не говорят, что такое искусство не может не быть бесплодным. Это ошибка. Неподражаемое искусство древних греков в весьма значительной степени было именно таким политическим искусством. Да и одно ли оно? Французское искусство «века Людовика XIV» тоже служило известным политическим идеям, что не помешало, однако, ему расцвести пышным цветом. А что касается французского искусства эпохи революций, то «санкюлоты» и вывели его на такой путь, по какому не умело ходить искусство высших классов: оно становилось всенародным делом»³⁷.

На основе исследования обширного исторического материала Плеханов установил связь достижений в области искусства с передовыми общественными идеями. Он разоблачил старую легенду, подхваченную декадентами, что А. С. Пушкин проповедовал теорию «чистого искусства», и показал, что в действительности великий поэт, говоря о «чистом искусстве», лишь боролся с зависимостью литератора от реакционной среды, от окружавшего его «высшего света». Что касается призыва к «чистому искусству», то этот призыв, как указывал Г. В. Плеханов, носит в принципе реакционный характер и дает «не весьма вкусные плоды. Крайний индивидуализм эпохи буржуазного упадка закрывает от художников все источники истинного вдохновения»³⁸. Огромной заслугой Плеханова является формулирование того положения, что истинный прогресс художественного творчества возможен будет лишь тогда, когда наступит эпоха пролетарской литературы как продолжения и развития лучших традиций мировой беллетристики.

При всей своей занятости научными и политическими делами Плеханов не забывал, однако, постоянно уделять внимание воспитанию своих детей, был хорошим семьянином. О. В. Аптекман, на протяжении многих лет близко наблюдавший жизнь Плехановых, свидетельствовал: «Семья обожала его: жена и дети преклонялись перед ним, вместе с тем были равны ему как друзья-товарищи. Нежная любовь, и заботливость, и глубокая идейная симпатия. Его авторитет, его величие не чувствовалось. То была дружная семья товарищей-единомышленников, сдерживаемая, однако, внутренней дисциплиной, крепкой духовной связью, где нет места мелочам... где невидимо царствует духовная сила»³⁹. Любовь и взаимное уважение создавали прочную основу действительного, а не показного семейного счастья. Тому способствовало и бодрое, жизнерадостное настроение, которое умело поддерживал у членов своей семьи даже в тяжелые

³⁵ А. Луначарский. Силуэты, стр. 115—116.

³⁶ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика. Т. I. М. 1958, стр. 98.

³⁷ Там же, стр. 98—99.

³⁸ Там же, стр. 185.

³⁹ О. В. Аптекман. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. М. 1924, стр. 57.

годы материальных затруднений Георгий Валентинович. «Как он шутил! Какая, бывало, свалка подымалась у него с дочерьми из-за его злых насмешек! — вспоминал Аптекман об увиденном однажды в доме Плехановых. — Я как-то раз назвал Лидию Георгиевну (дочь) мадонной. — Ну, да, мадонна времен упадка, — проронил Плеханов насмешливо. Какой переполох поднялся! Лидия Георгиевна напала на него, Евгения Георгиевна (младшая дочь. — В. Ч.) явилась к ней на помощь — и давай мать, тормозить бедного отца, который едва отбил от них. Мать спокойно созерцала все это, а я был на стороне дочерей»⁴⁰.

Георгий Валентинович внимательно следил за развитием международной жизни и в оценке событий тех лет всегда высказывал глубоко обоснованную убежденность. Примечателен в этом отношении его взгляд на сфабрикованное реакционерами во Франции дело Дрейфуса. Несмотря на огромный поток клеветы и нагромождения разного рода «доказательства» виновности Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии, Плеханов сразу же верно оценил это дело. Он писал к П. Аксельроду: «Положим, все дело Дрейфуса есть какое-то удивительное сплетение интриг и гнусностей. Лично я — не знаю почему — убежден в том, что Дрейфус не виноват. Можешь поэтому представить себе, как я отношусь к его судьям»⁴¹. Деятельная натура Плеханова не могла ограничиться простой констатацией того факта, что на свете совершается несправедливость. Он обратился с письмом к Ж. Геду, в котором убеждал французских социалистов использовать процесс Дрейфуса для агитации против военной клики во Франции⁴².

В апреле 1895 г. по поручению социал-демократов Петербурга за границу выезжает В. И. Ленин. Он устанавливает связь с группой «Освобождение труда» и договаривается с Плехановым и другими членами группы об издании социал-демократического сборника для пролетариев под названием «Работник». Г. В. Плеханов сразу обратил внимание на незаурядные способности и огромную эрудицию В. И. Ленина. Этот человек, отзывался о нем Плеханов, соединяет в своем лице «великолепную практику и блестящего теоретика». Как известно, возвратившись в сентябре 1895 г. в Россию, В. И. Ленин объединил все марксистские кружки Петербурга в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в рамках которого он впервые в истории России осуществил соединение теории научного социализма с практикой рабочего движения. «Союз» тесно связал экономическую борьбу пролетариата с политической борьбой против царизма. Однако после ареста В. И. Ленина (декабрь 1895 г.) и его сподвижников. во главе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» оказались люди, которые вследствие своих оппортунистических взглядов, выдвигая на первый план борьбы за чисто экономические интересы в ущерб борьбе политической получили название экономистов. Свою концепцию, нацеленную на политическое разоружение рабочего класса, они изложили в письме, подготовленном в 1899 г. группой русских экономистов во главе с Прокоповичем и Кусковой и получившем название «Кредо». В. И. Ленин собрал в Сибири живших поблизости от него ссыльных марксистов и написал вместе с ними протест против этого программного документа экономистов. Вот что рассказывал М. А. Сильвин, один из активных деятелей ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», об этом: «Владимир Ильич, сразу же избранный председателем, сел на скамье за простой крашенный стол, стоявший в углу, а по бокам на скамьях и стульях разместились остальные. Кое-кто поспорил о роли рабочих в европейских революциях XIX века. Ленин излагал свои сомнения в целесообразности протеста, подходил к вопросу с более широкой, так сказать, философской точки зрения, но после нескольких реплик Ильича снял свои возражения. Ванеев все хотел заострить выражения, осуждающие реформистов. Приняв «протест» в окончательном виде, постановили переслать его Плеханову для опубликования и разослать по колониям политических ссыльных, чтобы собрать под ним возможно больше подписей»⁴³. Протест был напечатан в сборнике группы «Освобождение труда» «Путеводитель» и сыграл большую роль в разоблачении экономистов.

Решительно выступил против оппортунистических положений экономистов и Плеханов. Он доказывал, что отказ от политической борьбы означает предательство интересов рабочего класса, служит дальнейшему закабалению пролетариата. Одновременно Г. В. Плеханов вел борьбу и с различного рода буржуазными теориями, направленными на защиту капитализма и идейное разоружение пролетариата. Он вскрыл антинародную направленность вульгарной политэкономии, показав, что ее представители путем проповеди теорий «классовой гармонии» и «тождества интересов» буржуазии и рабочего класса стремятся парализовать волю пролетариата в его борьбе за свое освобождение; выявил действительное назначение так называемого «национального фонда рабочих плат», который буржуазия проповедовала как гарантию полной оплаты труда, затраченного пролетариатом. «Стараясь выжать возможно большее количество труда из своих рабочих, т. е. уменьшить потребное для них количество «рук», — писал Г. В. Плеханов, — капиталисты вовсе не стесняются мыслью о том, что «национальный фонд рабочей платы» представляет собой, по словам их адвокатов, экономистов, опре-

⁴⁰ Там же, стр. 57—58.

⁴¹ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». Т. 1, стр. 188.

⁴² Там же, стр. 190—191.

⁴³ М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Л. 1958, стр. 192.

деленную сумму стоимостей, которая должна будто бы целиком пойти на покупку рабочей силы»⁴⁴. Плеханов отмечал, что с появлением научного социализма вульгарная политекономия окончательно теряет свои позиции и становится откровенной содержанкой буржуазии, ретиво выполняющей ее заказы.

Во второй половине 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, активизировалась ревизионистская деятельность Э. Бернштейна, который выпустил сборник «Проблемы социализма», состоявший из серии статей, напечатанных ранее в журнале «Die Neue Zeit», и книгу «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В этих работах Бернштейн выступил с пересмотром основных положений учения К. Маркса. «Борьба с бернштейнизмом в России,— писал тогда Г. В. Плеханов,— есть насущнейшая задача минуты. «Начало» целиком на стороне Бернштейна. Мы должны противопоставить влиянию наших *катедер-марксистов* свое влияние *марксистов-революционеров*. Сделаем ли мы что-нибудь? Думаю, что да, но если бы и не сделали, борьба обязательна»⁴⁵. Первая статья Г. В. Плеханова, направленная против ревизионизма, называлась «Бернштейн» и материализм; она была напечатана в «Die Neue Zeit» в июле 1898 года. Затем появились работы «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», ряд произведений, рассматривавших взгляды П. Струве, и другие. Плеханов с большой силой разоблачал в них теоретиков ревизионизма как явных слуг буржуазии. Одним из основных положений ревизионизма и легального марксизма было утверждение о необходимости достижения социализма с помощью реформ. Плеханов показал, что путь социальных реформ, предлагаемый Бернштейном и его последователями, в действительности является надежнейшим средством, охраняющим интересы буржуазии. Если даже допустить, отмечал Г. В. Плеханов, что предполагается самая справедливая, какая только возможна в условиях капиталистического общества, социальная реформа, то и в этом случае путь достижения социализма с помощью реформ является порочным, так как он не затрагивает основ капиталистической эксплуатации и не уничтожает частной собственности на средства производства. «Что такое «интересы собственности», т. е. интересы капиталистической собственности, собственности тех купцов, акционеров и предпринимателей, которым г. Вернер Зомбарт с таким удовольствием прочит такое долгое господство?— писал Плеханов.— Это — интересы эксплуатации наемного труда. Оградить интересы наемного труда против интересов этой собственности, значит понизить уровень эксплуатации работника капиталистом. Спрашивается, понизился ли этот уровень благодаря тем реформам в отношении труда к капиталу, о которых нам все уши протрубили сторонники теории постепенного «опорожнения» капитализма? Нет, до сих пор этого не было! Нам очень хорошо известно, что, наоборот, несмотря на все эти реформы, *относительная доля* рабочего класса в общественном доходе *уменьшается* во всех передовых капиталистических странах. Но это означает *повышение уровня эксплуатации рабочего класса и увеличение его зависимости от капиталистов*. Стало быть, указанные реформы не вносят ровню никаких *существенных* изменений в капиталистические отношения производства и нимало не ограничивают *существенных прав капиталистической собственности*»⁴⁶.

В работах того времени Г. В. Плеханов подчеркивал, что единственным путем, обеспечивающим действительное освобождение рабочего от эксплуатации, является путь социалистической революции. Утверждение о возможности стирания классовых противоречий еще в рамках капиталистического общества есть не что иное, как фальсификация, потому что борьба классов постоянно обостряется и не может не обостряться, пока существует капиталистический способ производства. Плеханов отмечал, что классовая сущность ревизионизма сводится к обесчуждению оппортунизма, к подчинению интересов пролетариата интересам буржуазии. Все это убедительно свидетельствует, что ревизионизм является течением, глубоко враждебным научному социализму. Марксистские же термины, которыми жонглируют Бернштейн и его последователи, призваны замаскировать буржуазное содержание их взглядов. «Против *теоретиков буржуазии*, «критикующих Маркса»,— писал Георгий Валентинович,— должны выступить *фананги теоретиков пролетариата*, критикующих новейшие буржуазные доктрины... Пора уже нам понять, что равнодушным отношением к своей собственной теории мы только облегчаем распространение в нашей среде буржуазных учений. Близорукая деловитость очень полезна ревизионистам: им теории не ко двору. Но что ревизионисту здорово, то «ортодоксу» смерть»⁴⁷. В. И. Ленин высоко оценил борьбу Плеханова против тех, кто опоял учение основоположников марксизма. Он писал: «Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»⁴⁸.

⁴⁴ Г. В. Плеханов. Соч. Т. VI. Изд. 2-е, стр. 118.

⁴⁵ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». Т. 2. М. 1925, стр. 81.

⁴⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XI. Изд. 2-е, стр. 254—255.

⁴⁷ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XII, стр. 459, 460.

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 20.

Большой вклад в дело распространения марксизма, умелая защита учения основоположников научного социализма способствовали дальнейшему росту авторитета Г. В. Плеханова. «Все уважали Плеханова,— отмечал Н. А. Семашко,— иные прямо боготворили; не только каждая фраза, но и каждое вскользь брошенное замечание Плеханова почитались многими незыблемыми законами»⁴⁹. Но вместе с тем уже к тому времени проявились реальные ошибки в деятельности Плеханова. Они находили свое выражение не только в освещении отдельных вопросов теории, но и в повседневной практике. Так, молодые марксисты, работавшие в те годы в содружестве с группой «Освобождение труда», неоднократно предлагали Г. В. Плеханову приблизить выпускавшиеся издания к рабочему классу. Однако Плеханов на эти заявления отвечал: «Русский рабочий не дурак, а бедняк»,— и из этого делался тот вывод, что русскому рабочему надо давать толстые книги «Социал-Демократа». На необходимость усиления работы среди крестьянства Плеханов также реагировал преимущественно афоризмами, вроде: «Крестьяне — не класс, а сословие», и т. п.⁵⁰. Все отчетливее проявлялась слабость группы «Освобождение труда» в организационной работе, что в значительной мере объяснялось ее оторванностью от России. И хотя Плеханов часто вспоминал о родине, любил рассказывать о ее народе и природе, отсутствие непосредственной связи с нею давало себя остро чувствовать.

⁴⁹ Н. Семашко. Ключки воспоминаний (От зари революции до ее рассвета), стр. 76.

⁵⁰ См. О. А. Ерманский. Из пережитого. М. 1927, стр. 33.

(Окончание следует.)

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦКОГО